

что комедиографы русского классицизма с самого его зарождения двигались в русле мольеровских традиций, ошибочно. Действительное понимание Мольера появилось в русской комедиографии только в начале XIX в. Как это ни покажется парадоксальным, но обращение к Мольеру, к его высоким стихотворным, комедиям, было на русской почве одним из путей к созданию комедии самобытной. Подъем общественного самосознания, связанный с эпохой войн против Наполеона, породивший, в конечном счете, движение дворянской революционности, вдохнувший новый пафос в идеологию русского просветительства, сделал проблему самобытности комического репертуара одной из самых живых и острых проблем литературно-общественной борьбы. Комедия, в отличие от трагедии, даже в своих традиционных формах давала гораздо больше свободы для бытовой сатиры, литературных и политических намеков. Именно мольеровский тип комедии оказался наиболее пригодным для изображения нравов и характеров времени. При этом на русской почве особенно повезло мольеровскому «Мизантропу». Острая политическая борьба внутри русского общества именно в этой форме комедии с героем — рупором авторского отношения к жизни, людям, общественным «установлениям» выразилась с наибольшей полнотой и разнообразием.

Мольеровское использовалось в разных целях, с разных общественных позиций.

Оригинальность и реалистичность подхода Грибоедова к проблемам «Мизантропа» или «злого» заключалась в том, что он очень внимательно отнесся к замечаниям Руссо и по-своему ими воспользовался. Грибоедов оставил в качестве причин для раздражения и желчных выходов Чацкого только общественно-важные поводы, события или лица. Он внимательно проследил за тем, чтобы Чацкий не показался просто раздражительным, просто «злым». Этот совет Руссо совпал с мыслями самого Грибоедова, и потому ему удалось избежать того двоения мотивировок «мизантропии» Альцеста, которая есть в комедии Мольера. Абстрактно взятая «мизантропия» противоречит живому общественному смыслу филиппик Альцеста. Но Грибоедов не послушался Руссо, негодовавшего по поводу того, что Альцест смешон, и видевшего в комизме мольеровского героя измену демократическим идеалам третьего сословия.

Чацкий смешон, смешон отчасти как Дон-Кихот, потому что его благородные порывы встречают искреннее непонимание даже со стороны тех, кто мог бы их услышать и понять. Чацкий смешон потому, что «жар души, растроченный в пустыне», ставит его в нелепое, печальное и трагически-смешное положение.

По другому поводу в «Записных книжках» Достоевского есть такая мысль: «Но разве в сатире не должно быть трагизма? Напротив, в подкладке сатиры всегда должна быть трагедия. Трагедия»